

Знакомые имена

Уже первые произведения этого композитора обратили на себя внимание выдающихся мастеров — Шостаковича, Хачатуряна, Соловьева-Седого, Свиридова. А в 28 лет Валерию Гаврилина за вокальный цикл «Русская тетрадь» была присуждена Государственная премия РСФСР имени М. И. Глинка. Сегодня творчество народного артиста РСФСР, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР В. Гаврилина широко известно: это песни и балеты, музыка к спектаклям и романсы, камерные сочинения и своеобразные музыкально-поэтические «действия». Словом «действие» сам композитор определил для себя

волю долго, в первые годы работы написал по мотивам рассказа Глеба Успенского оперу «Повесть о скрипаче Ванюше». (Пока еще она не поставлена). Более 5 лет упорно работал над операми «Ревизор» и «Шинель» — по Гоголю. Увы, ничего не получилось... Отношения с балетом у меня складывались любопытно и непредсказуемо. Еще студентом консерватории некоторое время был концертмейстером в балете и хорошо представлял, как готовится спектакль, но сочинять балет не дерзнул. Обратил меня в эту веру ленинградский режиссер Александр Белинский, поставивший на теле-

...Мне довелось быть на премьере «Перезвонов» в Большом зале Ленинградской филармонии, когда переполненный зал восторженно приветствовал композитора, сумевшего сложить эту величавую и пронзительную песнь о родной земле. И думается, есть особый смысл в том, что впервые «Перезвоны» прозвучали в душе у человека, выросшего в небольшой деревне на Вологодчине и после гибели отца воспитывавшегося в детдоме. Там в суровые военные годы предрассветной ранью шел он с ребятами за пять километров в школу, окучивал картошку, пилил дрова, ходил за лошадьми, корова-

Валерий
Гаврилин

жанр музыкально-поэтического сочинения, которое может быть воплощено сценически либо звучать в концертном исполнении. Это не опера, не оратория в привычном представлении, а ряд музыкальных и хоровых сцен, которые могут перемежаться балетными номерами, как, например, в «Скоморохах», или стихами и даже прозой — в «Перезвонах», например, чтец исполняет отрывок из «Поучения» Владимира Мономаха...

— Валерий Александрович, ваши крупные сочинения последних лет связаны с большой литературой — Чехов, Куприн, Твардовский, Шукшин...

— Да, к этому я пришел в поисках собственного музыкального стиля и языка. Ведь положение с музыкой, которую принято называть академической, у нас сложилось явно неблагоприятное. Мы теряем слушателя — он все меньше идет на симфонические концерты, а когда их транслируют по радио или телевидению, люди выключают приемник или телевизор. Мне представляется, дело не только в недостатке музыкального образования, но и в том, что создатели современных симфонических и камерных сочинений в значительной степени оторваны от жизни и часто оказываются художественно несостоятельными — не могут выразить то, что волнует человека сегодня.

Так вот, сразу после консерватории, написав первые вещи, я столкнулся со всем этим и, скажу откровенно, растерялся. Работать в жанрах традиционных, например симфонии или сонаты, расхотелось. Я увидел свой путь прежде всего в том, чтобы говорить со слушателем понятным для него языком, пытаться выразить различные оттенки состояния человека. Я стал писать музыку как бы вне жанров — получались фрагменты, кусочки, наброски, но каждый передавал, скажем, грусть или веселье, радость, азарт... Если проводить параллель с литературой — это как бы дневник лирического героя. В то время и понял, что хочу связать свою музыку с литературой.

— Почему вы отдали предпочтение балету, а не опере?

— Поначалу было как раз наоборот. Оперой я занимался до-

видении ряд интересных музыкальных спектаклей. Опытный режиссер, он разглядел в отдельных фрагментах музыки, написанной мною лет 15—20 назад, балет на сюжет чеховского рассказа «Анна на шее».

Конечно, для меня самого это было неожиданно: оказывается, сам того не зная, я уже давно пишу балетную музыку, да еще помогающую воплотить на сцене чеховские образы! Но если вдуматься, то это не так уж и удивительно. Чехов — мой любимый писатель, каждый год перечитываю его рассказы. Ранимость, незащищенность, особая деликатность его героев, трагизм неразделенной любви, чистая, светлая грусть, ненависть к пошлости — все это мне хотелось отразить в музыке.

Так в моей творческой биографии появился первый балет. С этим опытом я смог впервые специально задуматься над новым балетным спектаклем — «Дом у дороги» по мотивам творчества очень дорогого мне поэта — Твардовского. Он уже поставлен на телевидении.

В признании, которое получили эти работы, мне особенно дорого то, что критики и балетмейстеры отмечают «сценичность» музыки, простор для воображения, который она предоставляет постановщикам. Это, если хотите, одобрение основного моего композиторского кредо: обращать главное внимание на передачу душевного состояния человека. Наверное, поэтому в целом ряде театров и ансамблей страны продолжают проявлять интерес к моей ранее написанной музыке. В Риге и Москве по мелодиям вокального цикла «Военные письма» поставлены балеты. А в Горьком это же сочинение трансформировано как оперный спектакль.

— Свое музыкальное действие «Перезвоны» вы сопроводили подзаголовком «По прочтении Шукшина». Однако в действе нет никаких аналогий с сюжетом этого писателя.

— Верно, нет. Но тем не менее на создание «Перезвонов» меня вдохновил именно Василий Макарович Шукшин. Все написанное им предельно искренне, бескомпромиссно, полно любовью к человеку и к родной земле. Об этом же я и приглашаю поразмышлять своих слушателей. Так и выстраивается «действие»: начало и конец — трудная дорога. А в середине — свет. Он есть и будет в жизни всегда. И всегда будет любо выйти на простор, взглянуть, как велика и прекрасна русская земля. И как бы ни менялся мир, есть в нем красота, совесть, надежда.

ми, поросятами. Там начал петь в хоре, впервые увидел рояль и ноты и услышал поначалу совсем непонятное слово «композитор». И именно там понял какие-то очень важные вещи, запавшие в душу на всю жизнь.

Вот как рассказывает об этом он сам в одной из статей: «В сорок пятом победном году в мою родную деревню Перхурьево Кубинского района пришел с фронта первый солдат... Он и вручил мне прекрасное крымское яблоко. Это было первое яблоко в моей жизни. Мне стало как-то неловко: у одного меня — такая сказка! Про яблоки-то я лишь в сказках слышал. И стал я ходить, ходить «по кругу», давать каждому на пробу откусить. Никто не отказывался. Осталась мне самая середочка, с семечками и «хвостиком». Но зато какой вкусной она оказалась! Тогда, мне кажется, я и понял: счастье — отдавать. Делиться. Ничего более радостного не знаю на земле».

— Наверное, многие наши читатели, как и я, любят песню о матери из вашего цикла «Земля»: «тихая моя, добрая моя, нежная моя мама». Или задорную шуточную «Дайте музыку»... Но что-то в последнее время композитор Гаврилин охладел к песне. Или я ошибаюсь?

— Это смотря что понимать под песней. Думаю, мы утратили, вернее, обесценили истинное о ней представление. Дескать, есть запев и припев — значит, песня. А вот в старых учебниках композиции симфоническая форма называлась песенной. И это совершенно справедливо: почти все «серьезные» музыкальные формы, включая и симфонию, — песни. А что такое «Слово о полку Игореве»? Песня. Своеобразная, но песня. «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах», гомеровские поэмы — тоже, по сути своей, песни.

Так что если композитор пишет музыку, которая интересна и понятна слушателю, то, с моей точки зрения, неправильно считать, что он охладел к песне. Тем более что вполне вероятно, к каким-то из моих сегодняшних музыкальных набросков придумают текст и их запоют. Ну, а песен, специально написанных для исполнения на эстраде, за годы профессиональной работы я сочинил много. Естественно, не все считаю равнозначными. Недавно провёл что-то вроде отбора — примерно шестьдесят песен за считал в «актив».

Беседу вел
А. ГЕРВАШ.

ЛЕНИНГРАД.